

На протяжении многих лет своего существования газета "Завтра" писала о необходимости создания реактора исторической энергии русского народа. И такой реактор был создан. Имя ему — "Бессмертный полк".

ВО ВРЕМЕНА ПЕРЕСТОЙКИ её злопověдими прорабами была сконструирована система "чёрных дыр", куда энергия нашего народа утекала подчистую. Была детально разработана и внедрена в общество идеология "вечного Гулага". Архитекторы этой доктрины прочно связали русский век с лагерями и всеместными расстрелами. Якобы одна половина населения СССР сидела, а другая охраняла первую. О войне говорилось в контексте штрафбатов, заградительных отрядов и неоправданных бессмысленных жертв. Сотни пропагандистов этой модели, подобно старичку из сна Анны Карениной, с утра до вечера гнусавили: "Гулаг, Гулаг, Гулаг...".

Прорабы действовали чётко и безапелляционно. Из главного идеологического "принтера" через государственные СМИ один за другим выполняли разрушительные мифы, основанные на чудовищной лжи. Народ был не подготовлен к информационным атакам такой силы. По умам людей прошлись, как наждачной бумагой, и общество охватило безумие. Перестроенная "пляска святого вилла" перешла в корчи, в раздиранье на лице кожи, в посыпание главы пеплом. Нам как народу внушили, что преступления наши столь чудовищны — что мы недостойны того, чтобы дышать. Единственный наш путь до конца — это путь "вечного покаяния" за "вечный Гулаг". Прошлое наше было якобы столь преступно, что теперь мы обязаны остаток исторического пути ползать на коленях и молить другие праведные и цивилизованные страны о прощении.

Само понятие "народ" исчезло. Оно было стёрто и заменено "электратом" или просто "населением". Не зря же в социологию было введено омерзительное понятие "доживающее население". Так о наших дедах, отцах и матерях говорили прорабы и творцы реформ.

И в этой атмосфере всеобщего "доживания", надрытого стона, мучительной заботы вдруг как чудо возник "Бессмертный полк", который возродил понятие народ. Ибо народ — это не электрот, не толпа, не население и даже не нация. Это совокупность всех поколений, причём не только прошлых, которые жили до нас столетия, но и будущих — ещё не родившихся. Народ — это Мы в большом и бессмертном понимании этого слова. И это состояния целостности так не хватало обществу!

Доктрина "вечного Гулага", внедряемая в мозг, порождала атмосферу всеобщей смерти. На Украине идеологи "незалежности" так же изобрели национальную идею "Голодомор". Но под знаком "Голодомора" не родятся хлеба, не цветут сады.

РОССИЯ ВЫШЛА из этого ада, вышла из этой тьмы стройными рядами "Бессмертного полка". И возникло ощущение ликования. Оно зародилось и расцвело и во мне, и во многих людях, с которыми я шёл рядом все эти крошечные годы. Мы поняли, что случилось чудо.

Эта идея, которая неожиданно раскрылась в "Бессмертном полку", снилась всем много лет в самых разных формах. Я помню, как отец нашего военкора Владислава Шурьгин-старший создал такую метафору: по Красной площади идут полки всех погибших в Великой Отечественной войне воинов, несколько суток идут. Они шли не в парадных одеяниях, а в окровавленных гимнастёрках, пробитые, искалеченные, раздавленные войной. Но в этом скорбном параде заключалось великое торжество. Это шли победители, которым не довелось услышать благую весть о Победе.

Да, это была тризна. Но тризна — это тоже праздник. Трагическое торжество, как сама история, как мистерия неизбежной смены поколений. Великая радость, когда поднимаются новые ростки, появляются новые люди. И это самая большая, самая таинственная новость на земле, когда появляется новый человек. Но это всегда — уход предыдущих поколений. Фатально и неизбежно рождение связано со смертью, но всегда на передний план выходит жизнь.

Хотя есть и те, кто сознательно или бессознательно "качает" идею смерти. Деструкторы профессиональные и природные работают рука об руку. И это мы видели на примере празднований Дня Победы. По мере приближения этой даты начинался какой-то протяжный вой, переходящий в лай. "Всё ужасно, вы посмотрите, сколько жертв! Рыдайте и плачьте! Не надо никаких парадов! Демонстрация военной мощи — это кошмар! Сталин и Гитлер — это одно и то же!"

Начинались манипуляции в духе журнала "Огонёк" за 1988 год. Нас истерично вопрошали: "Кто победил, Сталин или на-

род?" Брели два электрических провода и начинали искрить у нас перед глазами, устраивая короткое замыкание рассудка.

КОГДА ПОЯВИЛСЯ "Бессмертный полк", у меня внутри вспыхнула такая радость! Потому что огромное количество вражеских усилий, вражеских денег, вражеских идеологических программ — расточилось, вылетело в трубу! Колоссальная энергия, затраченная противником на разложение русского народа, развевалась. В течение многих лет нам подрубали ноги и взрывали сознание, и в какой-то момент показалось, что задача ими выполнена. Что методичная, целенаправленная, жёсткая работа (иногда филигранная, иногда грубая), но, тем не менее, ведущаяся в

стороны Запада наталкивается на колонны, где бок о бок идут ушедшие и живые, пращур и потомки.

КАК-ТО Я ПОБЫВАЛ у одного краеведа в Истринском районе Подмосковья. Он историк, археолог, коллекционер, знает досконально историю своего района. Это, в масштабе огромной России, совсем маленькая территория, но там очень много всего проходило интересного, трагического, великого. И этот мой знакомый построил для своей коллекции отдельное здание и сделал его музеем своего села. Все свои находки, артефакты и антикварные вещи он подарила своим односельчанам. При этом он в своём музее открыл отдел, который соби-

рали, как правило, не живут памятью прошлого. Они заняты днём сегодняшним, с тревогой и надеждой всматриваются в будущее. Но история — это наш дом. Мы часто уходим из дома. Уезжаем, порой надолго. Потом возвращаемся. Страна за последние тридцать лет проделала большое путешествие. И мы вернулись!

ЮРИЙ МАМЛЕЕВ всю жизнь писал очень странные рассказы с inferнальными сюжетами. Но у него есть удивительное лучезарное философское эссе, которое называется "Россия вечная". Как-то мы с ним пили чай на закате в Переделкино, и он говорил, что его "Россия вечная" — это док-

В РОССИИ НЕТ ИДЕОЛОГИИ, но есть идея Победы, поэтому День Победы — наш главный праздник. Это праздник того, что абсолютно, фундаментально... что создаёт человека. Идея преодоления зла и выхода в новое будущее. Главная победа — это, конечно, победа над смертью. И идея "Бессмертного полка" — это идея победы над смертью, идея воскрешения.

Бессмертный полк — это и бессмертное воинство. На знамени его начертано: **чаю воскрешения мертвых и жизни будущего века**. Русский философ-космист Николай Фёдоров провозгласил идею воскрешения отцов, назвав его "Общим делом". Поэтому идеология России — это Победа. А главная идея России — бессмертие. И получается, что из общего широкого движения, из эмоционального порыва и сколков смыслов постепенно выкристаллизовывается новая доктрина. Видимо, не пришло ещё время мыслителей, которые всё это соберут вместе и напишут трактат о бессмертии. Но наша Русь, наше великое пространство, которое сейчас ещё расколото, нуждается в нем. Это есть историческое творчество. Исторический импульс, возникающий на стыке слова и дела!

Полк идёт в бессмертие. Он идёт в бессмертие, как и все мы. В этом заключен

Андрей ГОЛУБЕВ, Дмитрий ЛОБАНОВ. Великая Отечественная война 1941-1945 гг. Энциклопедический словарь. — М.: Книжный мир, 2018. — 688 с.

КОНЕЧНО, более чем 10 тысяч материалов (и почти 700 статей), объединённых темой Великой Отечественной войны 1941-1945 гг., сами по себе — огромная работа, которая, к тому же, не сводилась к банальной "копипасте" соответствующих материалов последнего по времени издания Большой Советской Энциклопедии. Но, по большому счёту, это, повторюсь, не дело отдельных энтузиастов — таких, как авторы этого издания, которые с уважением и любовью относятся к памяти о своих предках.

"Я так и не увидел ни одного своего дёда. Мои родители не запомнили своих отцов — папе был всего один год, а мама появилась на свет тогда, когда в дом уже летело страшное извещение о том, что её отец "пропал без вести"... Мой дед, Василий Смирнов, имея "бронь", пошёл на фронт добровольцем и погиб, защищая Москву на Брянском фронте. Другой мой дед, Дмитрий Голубев, имея ранения, полученные на советско-финской войне, также пошёл на фронт и погиб, защищая столицу на Калининском фронте", — пишет Андрей Голубев.

"Мой дед по отцовской линии, красноармеец Лобанов Иван Семёнович, пал смерть храбрых в начале 1940 года, сражаясь с белофиннами. Другой мой дед, Привалов Павел Афанасьевич, начал войну 22 июня 1941 года в звании лейтенанта. Он защищал Москву в 1941-м, прорвался из Харьковского окружения, сохранив личный состав и орудия в 1942-м, дрался в Сталинграде и на Курской дуге в 1943-м, и будучи четырежды ранен, закончил войну в поверженном Берлине", — рассказывает его соавтор Дмитрий Лобанов.

Всего два свидетельства из возможных миллионов. Действительно, память об этой войне хранится в каждой российской (и не только российской) семье — по всему бывшему Советскому Союзу. И "перекличек" и "пересечений" между военными судьбами разных людей можно найти множество. Например, один мой дед был кадровым военным-артиллеристом и погиб в октябре 1941-го под Ельней. А другой был призван в армию осенью 1939 года, прошёл Советско-финскую войну, потом сражался на Волховском фронте, приехал после тяжёлого ранения и госпиталю в отпуск летом 1942 года, оказался в оккупации, после освобождения снова был мобилизован в Красную армию и закончил войну в Германии. А в это время их жёны трудились в тылу, растили детей, ухаживали за стариками, молились, чтобы их мужья с победой вернулись домой...

Да, были и те, кто сражался по другую сторону фронта: власовцы, бандеровцы, "лесные братья" и многие другие. Их тоже было немало — миллионы как минимум. И они помнят эту войну иначе, не желая признавать закономерность и неизбежность нашей Победы и своего поражения 1945 года. Они, конечно, "ничего не забыли и ничему не научились", даже взяв — надеюсь, временный и очень недолгий — исторический реванш.

Наверное, данный энциклопедический словарь, вышедший уже вторым, расширенным и дополненным, изданием (первое было выпущено к 70-летию Победы 1945 года), в нынешних условиях был бы в десятки или, может быть, даже в сотни раз полезнее, если бы на его основе был создан интерактивный сайт по истории Великой Отечественной (хорошо бы — и всей Второй мировой войны, а в идеале — с версиями хотя бы на основных иностранных языках: английском, французском, китайском, немецком, испанском и арабском), дающий не "западный", весьма ангажированный и антироссийский, а отечественный взгляд на этот важнейший, судьбоносный период в развитии человеческой цивилизации.

Понятно, что реализация подобного проекта потребовала бы немалых финансовых средств, организационных и прочих усилий со стороны нашего государства и общества, но, честное слово, оно того стоит! Не только с целью сохранения и восстановления исторической правды, но, прежде всего, — с целью укрепления единства нашего общества, необходимость и возможность которого показывают и доказывают такие акции, как "Гвардейская ленточка" и "Бессмертный полк".

И не надо при этом делить вид, будто Третий рейх и его союзники со всей Европы одолела какая-то иная, несветовская Россия, без коммунистов и Сталина. Может быть, нашим олигархам и политикам приятнее быть сожранными "братями по классу и по разуму" из "коллективного Запада", чем признать и возыснуть безмерный подвиг наших (и, кстати, их собственных — тоже) дедов и прадедов? Может быть, им "поперёк горла" сам принцип социальной справедливости, и они, как чёрт ладана, боятся малейших признаков восстановления правды о Советском Союзе? Какой-то социальный садомазохизм: "садо" — по отношению к своему согражданам, и "мазо" — по отношению к западным "партнёрам", — не находите? И если всё это так, то они упорствуют в своём пребывании на стороне зла и лжи, а потому, говоря словами Нового Завета, "собирают горящие уголья себе на голову".

Поддержка и реализация такого проекта, наоборот, стала бы шагом к укреплению социального мира в нашей стране, стабилизации общества и усилению государственного потенциала России в целом. Или всё будет по-прежнему в полном соответствии с нелепыми законами "либеральной демократии": "Выборы прошли — забудьте!"

"Никто не забыт и ничто не забыто!" — отвечает на это Вечный огонь памятника Неизвестному солдату у Кремлёвской стены. "Никто не забыт и ничто не забыто!" — отвечает на это книга Андрея Голубева и Дмитрия Лобанова. "Никто не забыт и ничто не забыто!" — должны ответить на это все мы. Ибо "какою мерою мерите — такою и вам отмерится".

Георгий СУДОВЦЕВ

Мой...

Говорили: хорошо бы на Анну. Она такая красивая, такая добрая жена. Анна слушала и плакала. Ей мук таких слов и не говорил никогда. Стыдился. Её стыдилися, а чужих людей — нет. Так и бывает: в чужих людях что сделаешь, а дома и признаться неловко. Да и о хорошем как-то неловко сказать. "Своих не хвалят", — и свёкр, и свекровь всё так говорили.

И сама не знала, что "тяжёлая", когда мужа провожала. А вот в баню раз пошла, свекровка спину трёт Анне и говорит: "Хорошо бы парень был. То, вон, лино, мужиков как косит. Война кончится, Яким придёт, будем дом новый ставить. Большой, чтобы и сыновьям место, и дочке светёлка". И правда — беременной оказалась Анна. Свекровка она не только уважала, но и побаивалась: та ведунья была. И знать не знала, а ведала. Много такого говорила, чего никто не знал. Вот про всё-всех ведала, а про младшенького своего — нет. И как похороны получили — не верила. Говорила: жив, жив, жди. А как Анна могла не ждать? Ждала. И однопольчанин когда приехал, рассказал, свекровь как подкосили — быстро иссохла. А Анна ждала. Знала, что погиб, а ждала. Однопольчанин этот, Пётр, её потом и в город к себе пригласил; говорил, что они с Якимом и ещё одним товарищем (тот тоже погиб, но после Якима) обещали друг другу: кто жив останется, поедет в семью друга, коли тот погибнет, и расскажет, что и как. А коли выживут — будут в гости ездить. В городе есть, что посмотреть, а у Якима — охота хорошая.

Но Анна не поехала гостевать. При таком хозяйстве, детях малых — какое гостевание? Но когда дети поехали в город учиться: старший Макар, потом Нишушка, потом Егор, — то Пётр их привечал. Сам выучился на инженера, совсем фронтového друга не забывал, Анну говорил: "Яким тобой гордится. И детьми такими всякий родитель гордится был".

Да Анна и гордилась. Вот только разлетелись: Макар военным стал и аж на Камчатке осел! Поплюблился ему эта Камчатка! Анна раз у него была. Навсегда звал. Хотя и сам знал — мать не уедет ни от мотил, ни от Яким-мушкина дуба: Яким ещё мальчонкой из жёлудя вырос- тил, во дворе посадил. И очень любил свой дубок, как

с живым порой разговаривал. И Анна потом стала с дубом этим разговаривать. И слово с мужем: расскажет, посоветует... Свёкр то и дело на них со свекровью в сердцах: "Ну, язычники! Одна, старая, нечистая её знает, с кем советуется. Без молвы, без радива всё знает. Другая дуба в сообщениях призывает".

Дочку Нину аж в саму Москву высватали! В саму Москву! На завод практиканты приезжали, и она на практике там была. Они с Андреем — два комсомольца — так сошлись, что и расстаться не в силах. Он распределение в их область взял. Потом, как отработал, к нему в Москву уехали. И у них Анна гостевала. Да тоже по дому скучала. Внучи в деревне каждое лето паслись. И никакой работы деревенской не боялись. Что по их возрасту — всё делали, хотя и москвичи. А сейчас Нина в Америке. Муж работать поехал, ну а она — мужнича жена, за ним. Лучше бы развелась, честное слово. Но уехала: приедем, приедем, вернёмся... Да какой там! Внучки уже там устроились. Нина-то ясно, что тоскует. Да хорохорится: мама, я тут востребованный человек. Востребованный! Инженер-станкостроительный ведёт кружок "умелые руки", мастерству разному учит детей таких же вот горемык, которые с Родины в чужие края уехали. Сама себя успокаивает, что востребована. Ну и дай Бог, пусть тешист себя, что нужна людям. Матери вот тоже нужна, матерью тоже востребована, да только не торопится воротиться как всё обещает.

Анна и ждёт, и боится: как бы ни приехала Нина-то и ни узнала, что в деревне она одна осталась — все разъехались, померли... Когда дочь в Америку уезжала, в деревне ещё дома-то домами-хозяйствами стояли. Даже почта была. А потом — как срезали деревню. Дачниками ещё в прошлом году жили люди, а в этом — никто не приехал.

Анна сначала писала письма в Америку, Колька их пересылал, а потом — всё по телефону, даже мобильным научился пользоваться. Сейчас вся связь с миром через этот, мобильный. Вот Анна и дочери, и сыну, который со своей Камчаткой тоже никак не выберется, рассказывает, как ей хорошо, как за ней медсестра ухаживает, как соседские внучки по хозяйству помогают. А зачем дочке-сыну сердце рвать, что мать одинокой старухой в своём углу медвежкой сидит? Да и почему медвежий? Это зять так Потаповым называл. О медведях только старые люди и помнили. А деревенские ни одного не встречали. Волки, лисы, лоси, кабаны, рыси даже — это да. Зимой, вон, волки собаку Аннину пугают. Как Пальма заскулит, так Анна её отвязывает, и та домой рвётся. Дверь открыть не успеешь — Пальма противится, под кровать лезет. А потом к ногам жмётся. Это так и знай: волки кругом ходят. У Анны ружьё есть. От Якима осталось. Анна и сама стрелять научилась. Пригодилось. Порой выйдет — бах! Успокаивает себя. Когда туго совсем с деньгами было, просили её — про-

дайте ружьё. Нет. Как любимую вещь любимого мужа продать? Даже карточка есть. После свадьбы поехали в город фотографироваться. Яким ружьё взял. На карточке вот она сидит, Яким стоит, в поднятой руке — ружьё.

НЕТ, НЕ УВИДЕЛА Анна на параде фотографию Якима своего! Хотя если Колька обещал, то обязательно приежжал, планы строил: ночью мотану в Москву, дорога свободная, утром уже там, пройду — и обратно, куту да дома.

Но в такой толпе как углядеть? Да и зрение уже — название одно. Как увидела она прошлый год парад в Москве "Бессмертный полк", как понесли все фотографии своих родных, у Анны сердце зашло: а почему мой Яким по Красной площади не идёт? Но только на карточках эту площадь и видел. А ведь воевал под Москвой. Тогда, просмотрев парад, подошла к стене, подняла голову и портрету мужа пообещала: "Яким-мушка, не знала я, что можно тебя сводить на площадь, прости. Но на другой год — будет и тебе парад. Обещаю, свет мой". Дожить бы только. Колька поможет. Хороший парень — Колька. С Нишушкой в классе учился, в институте поступили, но у него отец с войны без ног пришёл, и Колька, единственный сын, вернулся в деревню. Переверёлся на заочное. Стал агрономом... Очень переживал, что Нина за другого вышла. Женился поздно: приехала молодой специалист, учительница в деревню. Сошлись. Колька заезжает к Анне. Но тоже — семья, не наездилась за 10 километров. Вот всё Колька да Колька. А он уж и сам сёдой дед, Колька-то.

Сидела перед телевизором, вглядывалась. Завидовала тем, что "на ногах", что несёт свои фотографии. А Яким её? Поменялся они местами — он бы всё для неё сделал, он бы её парадом провёл! Анна не выдержала — позвонила Кольке. Тот виновато: да я же, тётё Анна, заболел. Дома лежу. Ни в какую Москву не поехал. Ни мой отец, ни Яким ваш парадом не прошли.

Анна заморгалась часто-часто — слёз давно уже не было, а только перешло в глаза. Пошла по хозяйству управиться: оно всё меньше, а слиз требует всё больше. Подойла козу Струйку. Всех коз своих, которых держала после того, как с коровой уже не по силам было управлять, называла Струйками. Когда в Потаповку жену приехала, то на речку бегала белёе полосатик. Спросила как-то: "Как струйка-то ваша называется?". А ей: мол, речка и речка. Ручей. Чего его называть? Но после этого стала речка Струйкой, а Анна коз своих всех Струйками звала. Любили козы по берегу пастись. Вот тебе и Струйки.

Насыпала курам. С Пальмой поласкалась — живая душа. Кота позвала, да только тот не пришёл, загулял — весна. Достала воды из колодца. В рукомяйник налила, в бочку набрала. Много ли хлопот? А долго воз-

трина, которая нуждается в общественном действе.

И я ему сказал: "Посмотрите, Юрий Витальевич, на "Бессмертный полк". Это же и есть выражение тех идей, тех представлений, которые у вас звучат в "России вечной". Вы писали про литературу русскую, про русское слово, а в "... Полку" — на первом плане идея русской славы, русской силы. Но это ведь одно и то же". И он согласился со мной, сказал: "Да, это и есть Россия вечная — Бессмертный полк".

самый главный принцип, внутри которого умещается всё на свете. Времена на дворе жестокие, непонятные, столько неизвестных факторов и тайных явлений... Даже не придуманы многим из них ещё названия. Нам предстоит и дальше участвовать в суровой мистерии жизни, предстоит до конца пройти этот путь. И по ходу нашего движения в истории мы будем сражаться, строить, разрушать и прорываться, пробиваться через эти огромные сложные перевёрнутые миры в будущее, в наше Завтра, в Бессмертие.

Устала. Спать легла, да уснуть не могла. Виновати себя перед Якимом чувствовала. Вот прошлый год обещала, а видишь, как — не вышло. Так год за годом и пойдёт? И уж сама доживёт ли до мужнина парада?

Утром Анна уложила оставшиеся волосы "короной", как муж любил, достала нарядный платок (дочь подарила с какими-то дивными цветами), юбку праздничную, блузку.

Позвонила Кольке: — Есть у тебя "Прощание славянки"? Можем ты мне музыку эту проиграть? Я тебе через часка — меньше позвоню? — Могу. А зачем? — Надо. — Надо так надо.

Анна взяла фотографию Якима, отвязала Пальму: та заметалась по двору, стала на кур лаять, гонять их, чем возбудила петуха, примчавшегося с улицы и ринувшегося за Пальмой — от кур отогнать. Та приняла всё за игру. Они с петухом стали бегать по двору. И было непонятно — кто кого гоняет.

Анна пошла со двора, Пальма чинно двинулась за ней. Анна давно не ходила по своей деревне, в которой осталась одна. Дорога травой зарастает. Брошенные дома кособочатся. Не все в домах своих и окна заколотили, как уехали. И кажется, что из окон смотрят соседи, как уехали. И в поле, на ферме, по огородам, занятые хозяйством. Вон и петух кричит, и собака лает, коза блеет. И можно думать, что и дочь придет, и сын — в отпуск. Что младший Егор не утонул, спасая в студенческом походе девочку. Анна тайно думала, что это Яким сына "привзвал". Он как-то ей приснился и говорит: "Так я младшего нашего хочу приласкать! Хотю бы в гости ты ко мне его прислала". Анна и во сне знает, что и как с мужем, и недоумевает: "Да к тебе дорога — в один конец. Времени не пришло к тебе на свидание". А муж и говорит: "Не нам решать, кому что за время". Анна в тревоге проснулась. Даже боялась вспоминать о нём. А летом — не стало Егори. И она в горе своём приручает себя: не отец ли сына призвал? Сын "за други своя", как отец на фронте — за други своя.

Анна остановилась у сельсовета, от которого целым крыльцо только и осталось. Здесь, у сельсовета, где их с Якимом регистрировали, где "записывали" родившихся детей, откуда провозглаша гудка на фронт, — их Красная площадь. Она перевела дыхание. Набрала Кольку: "Ну, давай музыку". Тот чуть помешкался. Потом проговорил: "Слушай, тётё Анн". Грянули первые аккорды марша. Анна вскинула руку с фотографией мужа и, стараясь идти в такт музыке, пошла мимо сельсовета.